

Неуемность

МАСТЕРА КУЛЬТУРЫ

На час двадцать. Потом поговорим.

Дом на улице Чапыгина известен театральной Москве по спектаклям его экспериментальной студии, ставшей ныне одной из игровых площадок ГИТИСа.

Олег Табаков предупредил: — Это второй курс, репетиция отрывков к экзаменам. Из «Банкрота» Островского. Давайте! — крикнул он.

И тотчас из скрытой в тумане рассеянного света двери вышли двое. Это были студенты его второго набора. Актерскую труппу, прошедшую в Театральном институте полный четырехлетний курс, доцент Табаков уже выпустил.

В ладони правой руки у него крошечный диктофончик. Он держит его у самых губ и рассчитанным по тональности шепотом — чтоб не мешать играющим — наговаривает свои замечания. Он собран, педагогичен, и я почти физически ощущаю его предельную сконцентрированность на выполняемом деле. Думаю: такая неделя — полет за океан (позже узнал, что у него еще начата постановка «Ревизора» в одном из театров ФРГ), занятия со студентами — как это уживается с его творчеством?

В ПОСЛЕДНИЕ годы театральной критика прямо неистовствовала, указывая на «многоотраслевую» трату себя ведущими артистами драматической сцены. Автор этих строк тоже внес свою лепту в такие сетования. Но вот о чем подумалось в полутемном зальчике на улице Чапыгина. Не пропустили ли мы момент необратимых изменений в самом содержании профессии актера? Не вышло ли так, что реальные условия, в которых суще-

ствуют уже многие годы зрелищные искусства, привели наиболее талантливых исполнителей к созданию новой внутренней творческой лаборатории, обеспечив тем самым немислимую ранее интенсификацию их труда. Не отстает ли в этом пункте наше театроведение от жизни?..

Известно, в свое время К. Станиславский, создавая новую практику крупнейших мастеров. Не следует ли и сегодня всерьез задуматься об опыте организации «себя в искусстве» виднейших актеров? Не настает же такой момент, когда исчезнут в одночасье «прожорливое» телевидение, «зловредный» кинематограф и прочее, и актер, этот блудный сын Мельпомены, вернется в родной дом, в театр!..

...А ДВАДЦАТЬ пятого — премьера в «Современнике». И вновь стало очевидно: творчество Табакова не скудеет. Напротив, в последние годы заметны в нем новые черты. В спектакле «Восточная трибуна» он избирает по-разному точный, но и самый трудный рисунок роли. Играет как бы со связанными руками. Это при его-то природной эксцентричности, потребности в вечном движении! Но нет — тихий голос, какое-то принципиальное отсутствие жестов... Его герой Валдим Коняев — человек мягкий, совестливый, может быть, с пониженной сопротивляемостью обстоятельствам. Ему кажется, что он «не состоялся», не оправдал надежд. Из небольшого городка уехал в Москву учиться в консерватории, одноклассники и особенно одноклассницы гордились его способно-

стями, а он?.. Играет в симфоническом оркестре. И хотя любит свою работу, но все ему чудится, что перед кем-то виноват. И действительно выходит виноват, но совсем не в том! Ведь Коняев с молодым энергичным родственником, юношей «без предрассудков» едет отдыхать на юг в машине, набитой импортными «промтоварами»... И продает их бывшим подругам.

Табаков играет состояние человека, у которого внутри раскручивается корябая душа пружина — стыд!.. Свидание с женщинами, у которых по-разному сложились судьбы, становится детонатором его совести. И они же стараются облегчить его муки! Обстоятельства могут быть разными, стыд один — говорит драматург. И все в спектакле вращается вокруг фигуры Коняева. Эксцентрика загнана Табаковым внутрь.

Я мог бы назвать предшественников этой его последней по времени театральной роли. Они отчетливо видны, если знаешь его артистическую жизнь... Еще студентом он вышел на сцену рождившегося в тот вечер «Современника» в роли юноши, почти мальчика, Миши — тому уж двадцать восемь лет! Война. Эвакуация. Голод. Замерзший, нахолившийся воробушек, а в душе одна забота — как бы не унизить свое достоинство. Добыть нечестно есть он не станет! «Вечно живые» Виктора Розова. Потом — юноша в фильме «Чистое небо» Г. Чухрая. С максимализмом молодости бросает в лицо заслуженному солдату скоропалительные обвинения, но судит-то с мечтой о высшей правде нашей общественной жизни. Еще мальчик Олег из фильма, со-

зданного по розовской же пьесе «В поисках радости». С отцовской шашкой бросается на мебель, ставшую в пьесе знаком подмены жизненных ценностей полированными веригами!

Молодой Табаков с редкой свежестью передавал чистоту общественного идеала, живущего в юной душе. Можно продолжить перечень его персонажей, словно занявших круговую оборону вокруг крепости, именуемой человеческим достоинством.

КАК ВЕРНЫЙ ученик школы Художественного театра, он владеет партитурой тщательного психологического действия. Но отличает его иное. Считаю одним из высших достижений артиста образ юного режиссера-художника в фильме А. Митты «Гори, гори, моя звезда». Художник мечтал о совершенно новом театре, который был бы способен выразить душу народа, творящего революцию. Пластика Табакова позволила ему использовать движение как краску образа. Каскад на репетиции с провинциальной шансонеткой и буквально через несколько эпизодов — жуткая пляска смерти, когда подвыпившие белые офицеры забавляются, стреляя по человеку, мечущемуся с завывающими глазами.

Табаков становится актером трагикомедии, то есть наиболее емкого, наиболее универсального современного жанра. Присущая ему эксцентричность оборачивается теперь тем, что с известным правом можно назвать искусством социальной иронии.

Вспомните юношу Адуева из спектакля «Обыкновенная история» по роману И. Гонча-

рова — влюбленного, наивно-го, стихи сочиняющего. Стеснителен, совестлив, за правду душой! Прагматик-дядюшка, туз петербургский, учит его, провинциального птенчика, как жить надобно. А в финале уже племянник дядюшке сто очков вперед даст! В течение каких-нибудь трех часов актер исполнил законченную сюиту перерождения. Жест деревенел на глазах, «определялся», грудь под крахмальной манишкой выпячивалась упругим холмом. Прическа упорядочивалась. Походка?.. Походка являла всю гамму — от небрежно порывистых прискоков юного провинциала до rispetably уверенного, почти «фрунтового» марширования. Актер рисовал картину высвобождения сознания своего героя от «излишних» для столичной карьеры доброты, отзывчивости, умения слушать других, давал кардиограмму окостенения души.

А Балалайкин! Из щедринского спектакля «Балалайкин и К», поставленного в «Современнике» Г. Товстоноговым. Как известно, «всякое безобразие должно свое приличие иметь!». Табаков с наслаждением, захлеб играл безобразие, лишнее всякого приличия. Играл и «хлестаковщину», и «ноздревщину» — всю беспощадность сатирических «преувеличений» русских классиков, и еще веселие души скоморохов.

Много раз смотрел этот спектакль и, глядя на Табакова, думал: как бы радовался его учитель, выдающийся мхатовский актер Василий Осипович Топорков, доживи он до этой роли своего ученика.

— Я получаю наслаждение, когда отпускаю себя в преувеличение, — говорит Табаков.

Эффектные каскады «отпускавшего себя в преувеличение» актера памятливы зрителям. Это дирижер в давнем «Голом короле», истопник в спектакле по Шукшину «А поутру они проснулись». Это и прелестный его телевизионный «Конек-Горбунок». Эти виртуозные роли, роли от богатства рвущейся из него игры, приводят его к сказке: кто же из нынешних детей не влюблен в Али-Бабу из поставленного В. Смеховым спектакля-диска «Али-Баба и сорок разбойников»? Но из этой же игровой его «отрасли» вырастает и такая серьезная, философски насыщенная вещь, как телевизионный моноспектакль «Василий Теркин».

Сегодняшний диапазон Табакова обширен, но когда я думаю о секретах его лаборатории, то отмечаю верность определенным, как бы пожизненным линиям. Они переливаются, взаимодействуют, но они явственны. Например, линия «игры» — назовем ее так. Линия своеобразной социально-психологической лирики — от берегущих свое достоинство мальчиков до по-новому прочитанного образа Обломова в фильме Н. Михалкова.

Поэтому, когда я спросил его о сроке работы над одной из ролей, Табаков имел основания ответить:

— Да, в общем, лет двадцать!

ГОДАМИ выверенным правлением, четко определенной для самого себя сферой художественных интересов, ясной творческой программой объясняется в значительной степени высокая стабильность его результатов.

Табаков из породе театральных деятелей. Это понятие родилось на русской почве. Это не антрепренерство и не продюсерство. Это — соединение в человеке таланта художника и страсти гражданина, мастера и неукротимого собирателя, организатора. Это — неуемность.

А. СВОБОДИН.